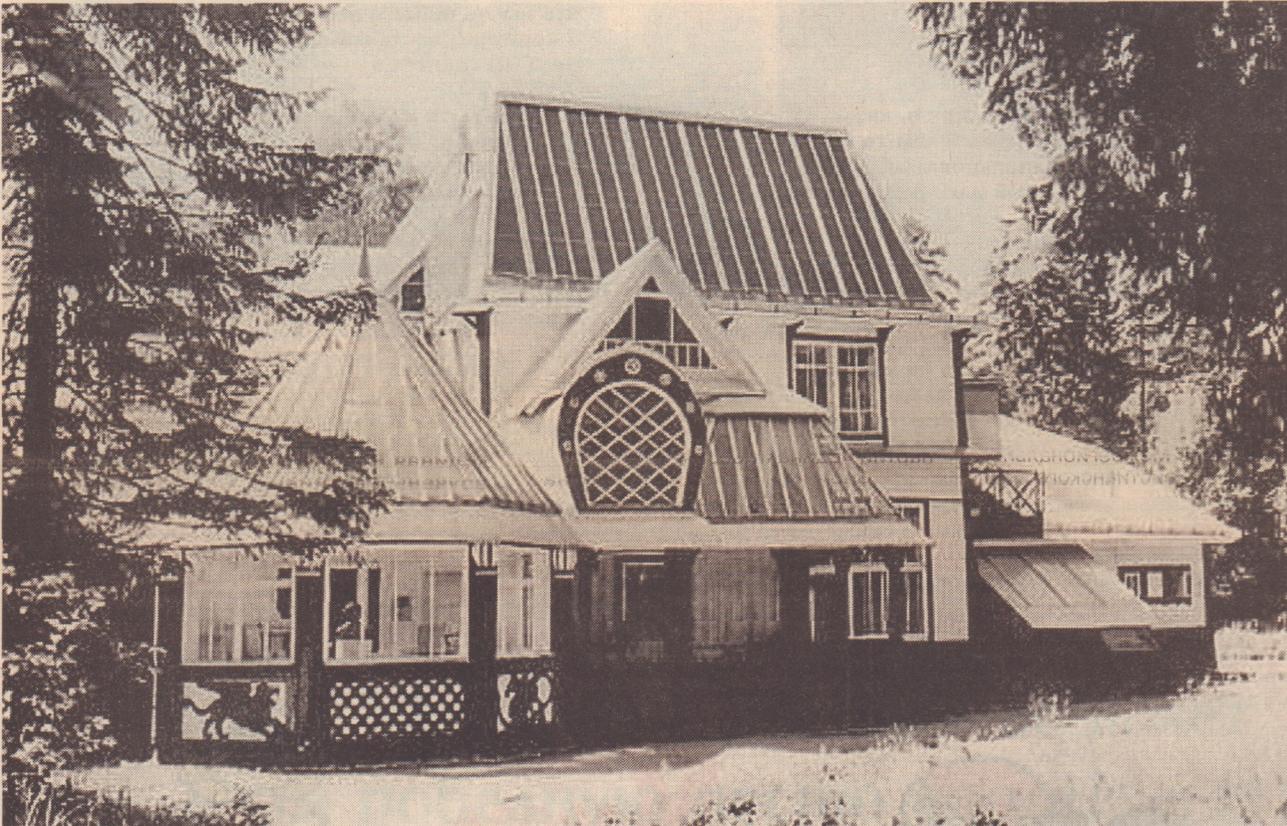

«Культурное гнездо»

на Карельском перешейке в 50 - 60-е гг. XX в.

Окончание. Начало в номере 18(277) от 29 ноября 2007

ГЛАВА II

Репино

Поселок, о котором пойдет речь в этой главе, как и поселок Комарово, в своем культурном развитии продолжал традиции, заложенные здесь в начале XX в.. Небольшой рыбацкий поселок Куоккала, что в переводе с финского языка означает – рыболовный крючок, с появлением на рубеже веков железнодорожной станции стал излюбленным местом дачной жизни петербуржцев. И в летнее время берег Финского залива всегда густо заселялся дачниками.

Одновременно с этим Куоккала превратился в центр культурной жизни всего Карельского перешейка. В 1899 г. здесь приобрел дом художник Илья Ефимович Репин. В своей усадьбе «Пенаты» он жил и работал в течение тридцати лет. «Пенаты» прославились знаменитыми репинскими «средами», в этот день недели у И.Е. Репина всегда собиралось много гостей, проводились разнообразные обсуждения, читали стихи, рисовали портреты друг друга. Часто в «Пенаты» к Репину приезжали Ф.И. Шаляпин, В.В. Маяковский, В.В. Стасов, а также Л.Н. Андреев, А.И. Куприн и многие другие. Недалеко от «Пенат» вместе со своей семьей поселился друг И.Е. Репина, писатель Корней Иванович Чуковский. Там он создал альбом «Чукоккала», который стал памятником той эпохи. В этом альбоме оставляли стихи, шаржи, небольшие заметки все, кто бывал в поселке в то время. В двух километрах от «Пенатов», на «Вилле Линтула», которая тоже находилась в Куоккале, поселился М. Горький.

В Куоккале существовал местный театр, где выступал иногда Маяковский, читали Репин и Чуковский, ставились пьесы. Сюда приезжал режиссер В.Э. Мейерхольд, который работал в это время в Териокском театре.

В Куоккале провел свое детство Д.С. Лихачев.

Итак, как мы видим, уже в начале прошлого века культурная жизнь в поселке была довольно разнообразна. И действительно можно сказать, что именно Келломяки в первой половине XX в. но-

сили статус «культурной столицы» Карельского перешейка.

Судьба поселка до середины XX в. мало чем отличается от судьбы других поселков Карельского перешейка, в том числе и Келломяк. Куоккала побывали в составе независимой Финляндии, пережили Зимнюю и Великую Отечественную войны.

В 1948 г. поселок Куоккала был переименован в память И.Е. Репина. Советское правительство начало строительство здесь многочисленных санаториев, домов отдыха для рабочих, сами за себя говорят их названия – «Строитель», «Торфяник», «Связист».

Заметным становится не то чтобы угасание культурной жизни в поселке, но потеря им позиций центра, которыми он обладал в начале века. С 1950-х гг. «культурная столица» перемещается из Репино в Комарово, где создается целая страна писателей, музыкантов и других деятелей культуры.

Однако Репино как место деятельности культурной интеллигенции не погибло. Здесь был построен Дом творчества композиторов, в котором в советское время жили и творили многие известные музыканты, в том числе и Д.Д. Шостакович.

Д.Д. Шостакович жил в Репино с 1961 г. По подсчетам известной исследовательницы творчества композитора, С.М. Хентовой, он провел здесь с 1961 г. по 1975 г. в общей сложности двадцать месяцев. Двадцатый коттедж Дома композиторов, в котором он жил, так и стали называть Шостаковическим. Где бы он ни находился, все время стремился туда. Когда поездка откладывалась, огорчался: «Очень жалею, что не могу быть сейчас в Репине... Очень там хорошо». В Репино он много трудился. В книге записей, где композиторы отмечали то, что каждый из них в Доме Творчества сделал, Шостакович записал: «Когда я бываю в Репино, то много работаю». Здесь им были написаны Четырнадцатый квартет, Десятая и Пятнадцатая симфонии, романсы на стихи М.Ю. Лермонтова, музыка ко многим кинофильмам.

В Репино Шостаковича навестила Анна Андреевна Ахматова. В стихотворении, посвященном Д.Д. Шостакови-

чу, она пишет о том, что значит для нее его музыка:

*В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.*

Особенностью Репино в 50 – 60-е гг. XX в. является то, что его культурное развитие было связано с именами деятелей культуры, проживающих в Комарове. Например, Д.Д. Шостакович жил долгое время в Комарове, где у него был свой дом. Тоже самое можно сказать и про композитора В.П. Соловьева-Седого, который приезжал в Дом творчества, хотя имел дачу на Большом проспекте в Комарове. Из Комарово до репинского Дома творчества, ходили гулять Е.Л. Шварц и Л.Н. Рахманов.

Таким образом, можно говорить о том, что в исследуемый нами период два поселка, Репино и Комарово, объединяются и в результате этого процесса, напоминающего древнегреческий синоизм, на Карельском перешейке образуется одно «гнездо».

И если в начале XX в. Репино, несомненно, было центром средоточия культурной жизни на Карельском перешейке, то в 1950-1960-х гг. оно отошло на второй план, уступив место новой культурной «Мекке» – Комарово.

ГЛАВА III

«Культурные гнезда»

Как уже говорилось во введении, наше исследование ставит своей задачей доказать, что изучаемые поселки Карельского перешейка являются «культурным гнездом». В данной главе мы подробнее изучим это понятие и аргументируем нашу точку зрения.

Во введении мы уже давали определение «культурного гнезда». Здесь мы лишь уточним, что под понятием культуры сам Н.К. Пиксанов подразумевал искусство, литературу и просвещение.

Н.К. Пиксанов доказал в своей работе «Областные культурные гнезда», основываясь на многочисленных примерах, необходимость нового подхода к изуче-

ию культурной жизни страны. Действительно, происходящий на протяжении многих веков в стране процесс централизации склонен был уничтожать или просто поглощать особые автономные миры. Собираение земли русской, подчинение ее сначала одной, а потом другой столице не могло не вызвать этого процесса. Собственно невозможно не согласиться здесь с Н.К. Пиксановым, когда он пишет о централизации, «подчиняющей по возможности все одной политической и полицейской форме и стирающей безжалостно местные особенности». На самом же деле, исследуя тенденцию развития изучения культурной истории страны, мы можем заметить, что эта же централизация свойственна по отношению не только к общественной жизни, хозяйственным мерам и т. д., но и к культуре.

Исключение, отмеченное Н.К. Пиксановым, для данного утверждения составляет допетровский период истории России. «Допетровская Русь создала несколько сильных областных культурных центров: новгородско-псковский, тверской, муромо-рязанский и другие». Такое областное культурное деление без всякого сомнения опиралось на ту или иную степень независимости в политической жизни. Социально-политическое развитие Руси XI – начала XIII вв. шло в одном русле – на ее территории складывалось несколько городов-государств, которые были подчинены относительной централизации по отношению к Киеву и становились все более самостоятельными. Эти города-государства, республики, впоследствии послужили основой для появления на их территориях княжеств – раннефеодальных монархий. И тогда, отдельные земли, области страны продолжали жить довольно автономной жизнью, как в политическом, так и в культурном отношении. Не существовало какого-либо одного культурного центра, каждая земля обладала в этом отношении своими особенностями и была абсолютна равноправной с другими, в том числе и со столичной. Последующий процесс объединения вокруг Москвы не смог все же сразу уничтожить и стереть местные особенности, но именно он положил этому начало. Как пишет Н.К. Пиксанов:

«...областное культурное расслоение опиралось на политическую независимость и обособленность. Потом эта независимость пала, и политическая власть сосредоточилась в Москве, затем в Петербурге. Старые областные культуры постепенно угасали, и культура интегрировалась в столице». По всей видимости, здесь не следует говорить о каком-либо масштабном угасании культуры по всей стране, поскольку культура, как явление человеческой жизни является производной не только политической независимости, но и других условий, а именно: географических особенностей, своеобразия в организации народного хозяйства и др. Таким образом, мы приходим к выводу, что, вероятнее всего, одновременно с процессом медленного угасания отдельных областных центров, имела место подмена русской культуры на столичную. Именно об этом пишет Н.К. Пиксанов: «Когда говорят о русской литературе, то разумеют великорусскую... Но под великорусской разумеют ведь, собственно, столичную». Действительно, уже в России XVIII в. мы не видим столько культурных центров, сколько было их в предыдущие времена: все поглощает собой новая столица, строящаяся на европейский лад. И теперь чаще всего выделяют лишь два центра: петербургский и московский. Хотя все это и не значит, как было сказано выше, что остальные центры вымирают, теряют свою самобытность. И введенное Н.К. Пиксановым понятие «культурного гнезда» является не только термином, но еще и методом в культурном краеведении, который и должен помочь в изучении этих центров.

«Культурное гнездо» представляет собой провинциальный центр, обладающий тремя признаками, выделенными Н.К. Пиксановым, а именно – «определенным кругом деятелей», «постоянной

деятельностью» и «выдвижением питомцев». К тому же одним из важнейших условий существования «гнезда» надо считать «не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное единение их между собой, некоторое органическое слияние». И в первую очередь, говоря о «культурных гнездах» мы склонны отмечать именно те, которые всеми этими признаками обладают. Примером для этого могут послужить, названные Н.К. Пиксановым – города, такие, как Саратов в 50-е гг. XIX в., Воронеж в первой половине XIX в. и другие. Все эти «культурные гнезда» развивались как бы внутри себя. Они воспитали и выдвинули в столицу многих деятелей культуры. Например, из Саратова в Санкт-Петербург приехали Н.Г. Чернышевский, писатель, ученый и публицист; А.Н. Пыпин, двоюродный брат Н.Г. Чернышевского, историк; Г.Е. Благовестов, редактор и публицист.

Но кроме таких «культурных гнезд», возникающих самостоятельно, в результате внутреннего развития, можно сказать естественно, существует и иной вид гнезд. О них Н.К. Пиксанов пишет: «Но есть объединение иного типа. Бывает, что в город дотеле незаметный, собираются отовсюду готовые, зрелые деятели культуры и здесь наново налаживают бодрую общественную деятельность». В качестве примера для таких «гнезд» Н.К. Пиксанов называет Иркутск: «Расцвет иркутской общественности середины века обусловлен деятельностью лиц не местного происхождения». В Иркутск были сосланы члены кружка петрашевцев: М.В. Буташевич-Петрашевский, Н.А. Спешнев, Ф.Н. Львов и другие, здесь ими была продолжена их деятельность.

Таким образом, для рассматриваемого нами «культурного гнезда» – Комарова и Репино подходит как раз именно второе определение. Поскольку его возникновение было связано не столько с собственным внутренним развитием, сколько с тем, что оно стало центром объединения деятелей культуры извне, то есть не уроженцами изучаемых нами поселков. Такое «приселение со стороны» мы как раз и изучили в двух первых главах. Но, в то же время, после войны заселение Карельского перешейка деятелями культуры было продолжением традиции, зародившейся в первой половине XX в., о которой мы уже говорили во вступлении работы. А, следовательно, в этом случае нельзя говорить о том, что Комарово и Репино не были известны, они продолжали, как уже сказано, традицию Келломяк и Куоккала.

Особенностью изучаемого нами «культурного гнезда» в выбранный период является его оторванность от местных традиций, имеется ввиду отсутствие элементов финно-угорской культуры. Это вполне естественно, поскольку возникающие в это время на Карельском перешейке «культурные гнезда» не были результатом развития культуры местных этносов. Здесь мы вовсе не утверждаем то, что на Карельском перешейке местные этнические культуры не смогли бы привести к появлению «культурных гнезд» первого типа. Это было бы абсолютно неправильной точкой зрения, поскольку проживающие на территории Ингрии (южное побережье Финского залива и Карельский перешеек) финны создали свою особую богатую и интересную культуру.

Несмотря на принадлежность ко второму типу «культурных гнезд», изучаемые нами поселки должны обладать всеми тремя постоянными признаками. И теперь после проведенной нами работы по исследованию культурной жизни на Карельском перешейке в 50 – 60-е гг. XX в. мы можем с уверенностью говорить об их наличии, а одновременно с этим и о наличии того, что Н.К. Пиксанов назвал «тесным единением» культурных явлений.

В предыдущих главах мы изучили круг деятелей, который жил и работал в Комарове и Репино. Обязательное условие

для существования «культурного гнезда», установленное Н.К. Пиксановым, выполняется здесь даже не смотря на то, что можно заметить некоторую сезонность этого «гнезда», имеется ввиду временное проживание летом или зимой в поселках деятелей культуры. Но тем больший интерес для нас представляет изучаемый культурный центр. Его жизнь была тесно связана с жизнью Ленинграда, где в течение рабочего года проживали многие комаровские и репинские дачники. Таким образом, мы наблюдаем процесс взаимодействия нескольких «культурных гнезд». Причем может появиться сомнение в том, что одни и те же деятели культуры могли создавать одновременно «культурные гнезда» в Ленинграде, в Комарове и Репино.

Но здесь следует обратить внимание на то, что работа творческой интеллигенции на берегах Финского залива представляла собой единое «органическое слияние». Комарово в этом плане представляет собой один из лучших примеров, поскольку в это время здесь рождались не только сценарии к фильмам, но и музыка, здесь же репетировались роли, проходили обсуждения, имеются ввиду фильмы Г.М. Козинцева «Гамлет» и «Король Лир». Помимо этого не стоит забывать того, что некоторые деятели культуры проживали постоянно или почти постоянно на Карельском перешейке. Таким образом, отношения этих поселков с Ленинградом не имели подчиняющего характера со стороны последнего. Напротив, можно говорить о некотором симбиозе. Предоставляя культурной интеллигенции дома отдыха и дачи в поселках Карельского перешейка, Советское правительство позволяло ей одновременно с этим, более свободную жизнь, чем в Ленинграде. В результате городская интеллигенция получала возможность свободно заниматься творчеством, что в свою очередь благоприятно складывалось и на ленинградской культурной жизни.

Третье, последнее условие существования «культурного гнезда» – «выдвижение питомцев», «воспитание старшими младших», как мы убедились на примере «вольшебного хора» и др., имело место в исследуемых нами поселках, а, следовательно, мы можем говорить о том, что в 50-60-е гг. XX в. на Карельском перешейке существовало «культурное гнездо».

Заключение

В данной работе было проведено исследование культурной жизни на Карельском перешейке в 50 – 60-е гг. XX в.. На примере поселков Репино и Комарово мы доказали существование там в изучаемый период «культурного гнезда». Все три обязательных условия для этого были нами подробно рассмотрены.

Изначально предполагалось, что эта работа будет посвящена двум «культурным гнездам»: поселкам Комарово и Репино, но в ходе исследования мы пришли к выводу, что отделение друг от друга этих поселков выглядит искусственным, поскольку в 1950 – 1960-е гг. культурная жизнь Комарово и Репино была тесно связана. И таким образом, можно утверждать, что эти два поселка создали одно большое «культурное гнездо».

Во многом появлению на берегах Финского залива «культурного гнезда» способствовала традиция, начало которой было положено на рубеже XIX и XX вв.. Кроме этого большое значение имело строительство здесь советской властью Домов творчества писателей и композиторов, дач Литературного фонда и Музыкального общества, ставших в 1950-1960-е гг. центром сосредоточия творческой интеллигенции на Карельском перешейке, и обеспечивших существование здесь «культурного гнезда» в последующие десятилетия.

Рассмотрение и анализ этого «культурного гнезда» в 70-90-х гг. станет предметом нашей дальнейшей работы.